

УДК 902/904(571.122)

DOI 10.34822/2312-377X-2020-1-44-61

Кардаш О. В., Гаевская В. В.
Kardash O. V., Gaevskaia V. V.

**ТЫВЬ-ЕГА-1. РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ РАСКОПОК
ПОСЕЛЕНИЯ КОНЦА IV – V в.**

**TYV-EGA-1: RESULTS OF RESCUE EXCAVATION
FOR SETTLEMENT OF THE LATE 4th – 5th CENTURIES**

Тывь-ега-1 – археологический памятник в бассейне реки Большой Салым, притока Оби. В рамках принятой научной археологической периодизации признаки орнаментации керамических сосудов позволяют определить принадлежность поселения зеленогорскому, релкинскому и кучиминскому этапам развития культурно исторической общности населения севера Западной Сибири, а введение в научный оборот новых материалов позволяет по-иному воспринимать общепринятую периодизацию археологических эпох раннего средневековья.

Tyv-ega-1 is an archaeological site in the basin of the Bolshoy Salym river, which is a tributary of the Ob river. In the framework of the accepted scientific archaeological periodization, the signs of ceramic vessel ornamentation make it possible to determine the belonging of the settlement to three stages of the cultural and historical development of the population in the North of Western Siberia. These stages are Zelenogorsky, Relkinsky and Kuchiminsky. The introduction of new materials into scientific use allows us to perceive the generally accepted periodization of the archaeological era of the Early Middle Ages in a different way.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Нефтеюганский район, река Обь, река Большой Салым, поселение Тывь-ега-1, раннее средневековье.

Keywords: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Nefteyugansky District, the Ob river, the Bolshoy Salym river, Tyv-ega-1 settlement, the Early Middle Ages.

Введение. Археологический памятник «Поселение Тывь-ега-1» находился под угрозой разрушения в связи с реконструкцией автомобильной дороги федерального значения Тюмень – Ханты-Мансийск на участке от 785 до 794 км в месте пересечения с рекой Тывь-ега, поэтому охранные раскопки проводились по заявке Нефтеюганской региональной дирекции Дорожного департамента ХМАО-Югры летом 2002 г. В результате раскопок памятник был полностью изучен. Коллекция артефактов содержала керамическую посуду, которая объединяла признаки нескольких археологических культур эпохи раннего средневековья.

Известно, что первая периодизация средневековых археологических культур бассейна среднего и нижнего течения р. Оби была сделана в 1957 г. В. Н. Чернецовым. Следующая была выполнена археологами Уральского университета Н. В. Федоровой, А. П. Зыковым, В. М. Морозовым, Л. М. Тереховой в 1991 г. Позднее, с 2002 по 2008 г., периодизацией также занимались уральские археологи Ю. П. Чемякин, К. Г. Карачаров, в 2006 и 2012 г. – А. П. Зыков [1–6]. Но ни одна из предложенных периодизаций, даже по мнению их авторов, не является безупречной и окончательной, потому что основана на сравнительно-типологическом анализе предметов вещевого комплекса, который

не является абсолютно достоверным, так как датировки памятников не верифицированы на основе изотопного анализа ^{14}C . К тому же в основе всех концепций лежит последовательное развитие археологических культур на данной территории. Но на Крайнем Севере, например в XIX в., на одних и тех же территориях проживали и самоеды, и северные остяки, и коми-зыряне, и русские. А во всех предложенных периодизациях возможность сосуществования различных археологических культур синхронно и параллельно практически не рассматривалась.

Ряд археологических культур Западной Сибири периода раннего средневековья начал свое формирование еще в III–IV вв. в гуннскую эпоху. Сложно поделить одну культуру, которая существовала на территории Западной Сибири, в рамках европейской периодизации. Потому существует проблема хронологии периодизации археологических культур I половины – середины I тыс. н. э., а также проблема соотношения этих культур с европейской и общеевразийской периодизациями. Пока периодизацию культур I тыс. н. э. никто не рассматривал в контексте общеевропейской периодизации, поскольку существует проблема обоснования хронологии этих культур, сосуществования и последовательного развития. Однако очевидно, что многие ранние средневековые культуры Западной Сибири сформировались на рубеже гуннского времени и раннего средневековья. Это предмет дальнейшего обсуждения, и это та проблема, которую авторы хотели обозначить.

Тывь-ега-1 – единственный из памятников, имеющий радиоуглеродную датировку и материал, который в последующем может послужить для уточнения и изменения периодизации средневековья севера Западной Сибири. В этой связи цель данной публикации – введение в научный оборот результатов охранных раскопок поселения Тывь-ега-1 кон. IV – V в. и пересмотр периодизации этапов развития археологических культур в свете новых открывшихся фактов.

Задачи работы: опубликовать результаты исследования памятника, поставить проблему пересмотра этапов периодизации археологических культур.

История изучения. В результате натурного обследования на левом берегу р. Тывь-ега было открыто три археологических объекта: поселение Тывь-ега-1, поселение Тывь-ега-2 и группа ям-ловушек Тывь-ега-3 [7]. Тогда же, в 1992 г., проведено первое обследование выявленных памятников: выполнена привязка к картоматериалам в М 1:25 000, сделана глазомерная съемка каждого объекта в М 1:500 и комплекса из трех памятников в М 1:1000, осуществлена привязка археологического памятника к существующей автодороге и к проектируемой оси ее спрямления. Раскопки были проведены автором в 2002 г.

Описание памятника. Поселения на реке Тывь-ега расположены в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 12 км к юго-востоку от пос. Лемпино на площади Салымского месторождения нефти, разрабатываемого НГДУ «Правдинскнефть», вблизи действующих объектов обустройства месторождения, в 34 км к северо-востоку от пгт Пойковский. Район раскопок был ограничен с юга Среднеобской низменностью Западно-Сибирской равнины, слева – верхним течением реки Большой Салым, справа – р. Тывь-ега шириной в среднем 12–18 м. Поселение расположено на высоком (5 м от среднегодового уреза воды или 34.0 м в балтийской системе высот) мысу коренного берега, не затопляемого даже в самые высокие паводки. Естественная растительность на поверхности мыса (сосновый бор) выгорела в результате пожара начала 90-х гг. прошлого столетия, и в момент исследования он был покрыт густой порослью березы и осины, пойма реки густо заросла ивой, тальником, и лишь по краям сохранились отдельно стоящие высокоствольные сосновые деревья [8].

В соответствии с целью полного исследования территории памятника, подлежащего разрушению в процессе строительных работ, первоначально были проведены археолого-

геодезические исследования, а раскоп был заложен так, что охватил максимально большую поверхность мыса.

Так как проведение дополнительных археолого-геодезических исследований памятника было вызвано необходимостью максимально зафиксировать особенности микрорельефа в связи с неизбежным изменением ландшафта в месте расположения памятника при проведении строительных работ, а строительная топосъемка местности недостаточна для фиксации археологического объекта, т. к. не учитывает микрорельеф местности, по которому, в частности, можно определить руины самого археологического объекта и связанные с ним особенности окружающего ландшафта, археолого-геодезические исследования были проведены в два этапа.

На первом этапе была выполнена съемка топографического плана местности общей площадью 4,5 га в М 1:500000, с сечением горизонталей 50 см, а также привязка археологического памятника к существующей автодороге и к проектируемой оси ее спрямления. За высотное обоснование было взято обоснование с точки 44 трассы изыскания участка реконструкции автодороги [8].

На втором этапе археолого-геодезических работ на археологическом объекте с его периферией был размечен раскоп и выполнена нивелировка его поверхности с интервалом 1 м. План нивелировки археологического объекта выполнен в М 1:50 с сечением горизонталей 10 см. Площадь съемки этого масштаба составила 206 кв. м. Высотное обоснование с точки 44 было перенесено ближе к раскопу, где был заложен репер с отметкой 34.43 (в балтийской системе высот). Высотные обоснования приведены в единую систему. В дальнейшем при раскопках от него производились нивелировочные отметки найденных артефактов и фиксируемых очертаний [8].

В результате проведения археолого-геодезических исследований на поверхности мыса зафиксирована яма (впадина) прямоугольной формы размером 3,5 × 4 м и глубиной 0,2–0,3 м от уровня окружавшей ее валообразной насыпи, которая более отчетливо фиксировалась с восточной и северной сторон, где ее ширина составляла не менее 1,5 м. С южной и западной сторон ширина насыпи не превышала 1 м, она была менее выражена, так как здесь начинался уклон рельефа к реке и стрелке мыса. По магнитному направлению впадина ориентирована по оси северо-запад – юго-восток и имеет склонение 16–18 градусов. С учетом этого склонения ее реальная ориентировка будет практически соответствовать оси «запад – восток». В результате съемки были зафиксированы еще две ямы, примыкающие к обваловке центральной впадины. Одна яма, округлая, диаметром 1,5 м, находилась с южной стороны, другая, овальная, размером 1 × 4 м, – с северной. На поверхности мыса на различном расстоянии от центральной впадины были зафиксированы также небольшие бугорки и ямы от выворотней. Происхождение некоторых из них до начала раскопок казалось искусственным [8].

Описание исследований. Раскоп прямоугольной формы (кв. 5–13/Д–Л) был наложен на впадину с учетом ее формы ориентировки и расширен в сторону ровной площадки мыса к северо-западу от впадины. Предполагалось, что здесь была какая-либо функциональная зона поселения. С учетом того, что раскопом нужно было охватить как можно большую площадь для максимально полного исследования памятника, а форму раскопа в виде прямоугольника не везде удавалось соблюсти из-за мешающих выворотней и больших пней, общая площадь раскопа составила 206 кв. м [8].

Сооружение. На первом уровне фиксации очертания постройки начали проявляться на отметках 33.80–33.85. На этом уровне на квадратах А–Д/4–5 были зафиксированы остатки сгоревшей стены в виде углистых полос, пятен и углей от сгоревших плах, остатки одной

такой плахи были зафиксированы на квадрате Г/4–5. Они довольно хорошо сохранились под мощным слоем насыпи, образовавшейся, скорее всего, от разрушения дерновой кровли и обкладки стен. По сохранившейся плахе можно определить структуру волокон и направление элемента строительной конструкции. Что касается других стен постройки, строительные конструкции сохранились в лучшем случае в виде скоплений крупных углей, как в южной стене. На первом уровне фиксации проявился фрагмент западной стены постройки в виде серой супеси и скопления углей. На этом же уровне фиксации на квадратах Г–Е/6–7 проявился очажный слой в виде коричневых пятен нечетких очертаний. На участках В–Г/6–7 вокруг очажных пятен проступила серая неровная прослойка – пол жилища, земляной, без какого-либо покрытия.

В целом же культурный слой в раскопе на уровне первой фиксации выглядел как перемешанный: его пестрый цвет образовали белый погребенный подзол, рыжая зона оглеивания, серая супесь пола, коричневые пятна очажного слоя, серо-желтый культурный слой. Эти пестрые пятна и выделяли постройку на фоне окружающей светло-коричневой материковой супеси [8].

На втором уровне фиксации очертания постройки отчетливее оформились на отметках 33.70–33.75. Достаточно хорошо стали различимы стены, столбовые ямы и очаг. Стало возможным в какой-либо степени определить форму и размеры постройки. Выяснилось, что постройка была наземной, т. е. без котлована. Видимость углубления создавали неровность слоя и валообразная насыпь по периметру. Особенно хорошо отсутствие какого-либо углубленного котлована было видно в стратиграфическом разрезе центральной бровки.

На квадратах Д–Е/7 находилось очажное пятно размером 1,5 × 1 м буро-коричневого цвета, насыщенное органикой и мелкой кальцинированной костью. Здесь были найдены несколько мелких фрагментов керамических сосудов и куски обожженной глины. Судя по стратиграфическому разрезу, очаг толщиной 10–15 см располагался непосредственно на полу, под ним находился слой прокаленной супеси.

Внутри периметра постройки было зафиксировано 6 ям от столбов, которые, очевидно, являлись опорными элементами каркасно-столбовой конструкции исследованного жилища. Столбовые ямки стали видны только на уровне материка, т. к. заполнение их по цвету не отличалось от заполнения культурного слоя.

Столбовая яма № 1 зафиксирована на границе квадратов В–Г/5–6. Наиболее четко очертания проявились на уровне 33.68. В плане и в профиле ямка округлая, диаметром 40 см, в центре более насыщена углем и уменьшена до 30 см. Видимо, именно этот диаметр отражает ширину стоявшего в яме столба (ствола).

Столбовая яма № 2 находилась на участке Ж/5–6 и была зафиксирована на уровне 33.73. В плане яма почти округлая, размером 48 × 45 см, в разрезе ее основание плоское.

Столбовая яма № 3 почти круглая, размером 35 × 36 см, зафиксирована на уровне 33.78 на участке Ж/8.

Столбовая яма № 4 диаметром 32 см была расположена на участке Г/9 и зафиксирована на уровне 33.72.

Столбовая яма № 5 круглая в плане и в профиле, диаметром 28 см, зафиксирована на уровне 33.73 на участке Г/4.

Яма № 6, зафиксированная на квадратах Е–Ж/4–5 на уровне 33.70, отличается от столбовых значительно большими размерами. В плане это вытянутый овал 50 × 30 см, подзольный затек по окружности еще увеличивает размеры ямы. Однозначно связать ее назначение с функцией столбовой нельзя из-за неправильного профиля. Возможно, это была ямка естественного происхождения, заполненная для нивелировки поверхности.

Даже учитывая то, что диаметр столбов был меньше, чем диаметр столбовых ям, столбы были довольно мощными, хотя и не очень высокими, т. к. все они незначительно углублены в землю. Мощные столбы должны были служить опорами для поддержания чего-то тяжелого, скорее всего, обложенных дерном стен.

Стены постройки, набранные из плах, реконструируются по стратиграфии и остаткам обогранных плах и очертаний. Их основание ставилось прямо на поверхность земли. Верхняя часть стен опиралась, очевидно, на какую-то поперечную балку, которую поддерживали вертикальные опорные столбы. Остатки сгоревших стен перекрывал мощный слой супеси. Скорее всего, это дерновая обкладка стен, которая обсыпалась. Она преследовала две цели: за счет давления слоя земли плахи жестко фиксировались и придавали дерну отличные гидроизоляционные свойства.

По периметру постройки под валообразной насыпью зафиксированы отдельные пятна культурного слоя, насыщенного углем. Эти пятна подстилает погребенный подзол. Скорее всего, судя также по профилю центральной бровки, подзол сохранился по периметру за счет того, что вдоль стен были нары. В центре постройки, около очага, погребенного подзола нет. Возможно, здесь он был снят вместе с дерном и использован для обкладки стен и перекрытия постройки.

Таким образом, постройка реконструируется как наземная, с каркасно-столбовой конструкцией, имеющая форму прямоугольника, вытянутого по оси запад-восток по магнитному склонению, соответствующему 16–18 градусам. Правильную форму с точными размерами постройки определить, к сожалению, не удалось, т. к. фиксация очертаний недостаточно четкая из-за отсутствия углубленного котлована. Но даже по тем очертаниям, которые сохранились, реконструируются размеры постройки по основанию стен – 5 × 6 м. К югу от постройки начинается склон мыса к реке. Именно на краю этого склона, на относительно ровной площадке была поставлена постройка без какой-либо предварительной инженерной подготовки. Наличие очага определяет функциональное назначение постройки как жилой, не имеющей четко выраженного выхода, который мог быть на востоке и обращен к реке. С этой стороны подход к реке менее обрывистый, здесь же находилась хозяйственная яма № 3, заполненная массовым скоплением остатков керамической посуды. Возможно, выход из жилища был на южной стороне дома, а внешняя яма № 5 была как-то связана с конструкцией входа. В любом случае выход не был ярко выражен и не отделен по очертаниям от стен постройки.

Внешние ямы, которые раскопаны близ жилища, связаны либо с его конструкциями (яма № 5), либо с жизнедеятельностью населения (ямы № 3, 4). Заполнение последних отличалось коричневыми пятнами, связанными с культурным слоем, а также наличием фрагментов керамической посуды.

Яма № 3 находилась на некотором удалении от жилища, на квадратах А–А'/11–13, была почти округлой в плане, размеры ее на уровне 33.90–33.91 составляли 2 × 2 м. На уровне 33.80 размеры уменьшились до 1,2 × 1,1 м. Судя по профилю, происхождение ямы естественное: возможно, небольшой ложок был использован жителями поселения. Яма до самого нижнего уровня была наполнена фрагментами керамических сосудов.

Яма № 4 зафиксирована на квадратах В–Е/11–12, примыкала к внешней стороне валообразной насыпи вытянутой прямоугольной формы и образовалась, вероятно, от вынужденного для подсыпки стен жилища грунта. На отметке 33.85 она не имела четких очертаний, размеры ее составляли 5,5 × 1,5 м. Более четкие очертания проявились на уровне 33.70: изменились размеры – 3,2 × 1 м, глубина от современной поверхности составила 0,6 м. Судя по коричневым затекам, связанным с культурным слоем, и находками фрагментов керамических сосудов, яма использовалась жителями в хозяйственных целях.

Яма № 5 находилась на квадратах Г–Д/2–4. Ее происхождение, скорее всего, как и ямы № 4, связано с подсыпкой стен жилища, после чего яма в хозяйственных целях не использовалась. Об этом свидетельствует отсутствие характерных пятен культурного слоя и артефактов. Размеры ямы на уровне 33.68 составляют 1,5 × 1,2 м, глубина – 0,25–0,3 м от современной поверхности.

Периферия поселения представлена значительным раскопом в северной части на большой площади за пределами жилой постройки. Культурный слой, за исключением отдельных ям, не выявлен. Находки тоже единичны и, по-видимому, случайны. Несмотря на близость к жилищу, эта территория не использовалась населением. Возможно, особенностью функционирования поселения была его сезонность и кратковременность существования.

Яма № 7, узкая, прямоугольная, шириной 0,8 м и глубиной 0,3 м от уровня современной поверхности, с плоским дном, заполненным пятнами коричневой супеси, абсолютно аналогичной содержимому *ямы № 4*, дает основание связывать ее с деятельностью жителей поселения и определить как яму хозяйственного назначения.

Ямы № 1 и 2 первоначально зафиксированы на самом верхнем уровне после снятия дерна и представляли собой одну большую яму. Но в дальнейшем, на уровне 33.90, очертания изменились и стало понятно, что ямы две. Заполнение их не отличалось от материкового слоя. Это подтвердил стратиграфический срез профиля ямы: это две ямы естественного происхождения, образованные, очевидно, от древних выворотней двух расположенных рядом деревьев. До раскопок на поверхности эти ямы не фиксировались. Остальные ямы от выворотней были очень неглубокими и после снятия дерна на уровне зачистки уже не фиксировались.

Стратиграфия стенок раскопа, кроме ямы № 7, не зафиксировала культурный слой за пределами постройки. Если он и был когда-то, то, вероятно, выщелочен подзолом ввиду своей незначительности. Стратиграфия всех стенок раскопа одинакова: дерн, подзол, переложенный материковый слой, образовавшийся от многочисленных выворотней, и материковая супесь светло-коричневого цвета. В северо-восточной и восточной стенках раскопа фиксируется переложенный материковый слой (расплывшаяся обваловка постройки), связанный со строительством жилища. Но вскрыть эти участки не было возможности из-за пней и слишком крутого склона [8].

Комплекс артефактов, собранный в процессе раскопок, состоит из 308 предметов. Из них 306 составляют фрагменты от 14 керамических сосудов. И только два предмета каменного инвентаря. Два сосуда (№ 1 и 2) реконструированы практически полностью, сосуды № 3–12 выделены по крупным или многочисленным фрагментам венчиков и стенок. В коллекции имеются также отдельные фрагменты венчиков или стенок от нереконструируемых сосудов. Выделенным сосудам присвоена индивидуальная нумерация [8].

Развал *сосуда № 1* был найден внутри постройки близ очага на границе квадратов В–Г/5–6 (уровень 33.81–33.78). Характер залегания фрагментов, последовательно и плотно примыкавших друг к другу, свидетельствует о том, что сосуд был целым и развалился только в момент разрушения постройки. Он был собран практически полностью, представляя собой круглодонный горшок с короткой выделенной шейкой: диаметр открытой горловины – 14 см, с округлым, слегка раздутым туловом диаметром 18 см, высотой 13 см и толщиной стенок от 0,3 до 0,7 см. Венчик прямой, с внешней стороны его край оформлен насечками наклонно поставленной гребенки, создающей иллюзию ребристости. Орнаментом покрыта только верхняя треть внешней поверхности сосуда, на который узор нанесен короткими оттисками гребчатого штампа. Выделяются четыре горизонтальные

орнаментальные зоны: верхняя, под горловиной, заполнена одним рядом вертикальных оттисков штампа; ниже зона состоит из четырех горизонтальных рядов отступающего гребенчатого штампа и пояса ямочных вдавлений; зона перехода к тулову украшена двумя параллельными рядами наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа; и заключают орнаментальную композицию удлиненные наклонные столбики этого же штампа. В целом этот сосуд как по форме, так и по орнаментальной композиции близок образцам зеленогорских комплексов.

Сосуд № 2, как и *сосуд № 1*, реконструирован практически полностью. Скопление многочисленных фрагментов венчика и стенок этого сосуда было найдено внутри постройки близ очага, на границе квадратов Д–Е/5–6 (уровень 33.79–33.83). Фрагменты лежали последовательно и плотно примыкали друг к другу. Скорее всего, этот сосуд, как и первый, был раздавлен уже при разрушении самой постройки. Параметры сосуда при реконструкции: высота – 11 см, открытая горловина диаметром 15 см и округлое тулово диаметром 18 см, толщина стенок колеблется в пределах 0,3–0,6 см. Край венчика слегка скошен внутрь. Орнаментом покрыта верхняя треть внешней поверхности. Узор расположен горизонтальными зонами. Верхняя, под краем венчика, заполнена одним горизонтальным рядом уголкового (полулунного) штампа, нанесенного методом отступания. На следующую зону, отделяющуюся от первой горизонтальным рядом отступающего гребенчатого штампа, нанесен орнамент оттисков полулунного штампа в виде коротких наклонных, как бы спускающихся от пояса ямочных вдавлений. Через два разделительных горизонтальных ряда гребенчатого штампа идет следующая орнаментальная зона, узор в которой представляет собой своеобразные фестоны подтреугольной формы с центральным столбиком, опускающимся на выпуклую часть тулова. Выполненные полулунным штампом треугольные фестоны характерны для орнаментов посуды зеленогорской археологической культуры [2, с. 132, 134].

Сосуд № 3 реконструируется по фрагментам венчика и стенок, большинство которых было найдено в скоплении керамики за пределами постройки в яме № 3 на квадратах А–А'/12–13, а отдельные фрагменты находились также внутри самой постройки и в промежутке между ней и ямой № 3. Сосуд представляет собой открытый горшок с диаметром горловины не менее 22 см, диаметром округлого тулова 26 см и толщиной стенок 0,4–0,5 см. Высота сосуда не реконструируется. Край венчика заострен и со стороны тулова украшен насечками-оттисками короткого гребенчатого штампа. Сосуд орнаментирован в верхней трети внешней поверхности узором, расположенным горизонтальными зонами. Для его нанесения использованы короткий гребенчатый и уголкового штампы. Разделительными зонами служат горизонтальные прочерченные линии – желобки. На шейке сосуда, под венчиком, узор состоит из двух горизонтальных линий, образованных оттисками полулунного штампа, ниже нанесен пояс ямочных вдавлений, под которым следует ряд вертикально поставленных оттисков гребенчатого штампа. Через прочерченный желобок следует зона, заполненная узором из наклонных оттисков полулунного штампа, затем еще желобок и горизонтальный ряд вертикально поставленного гребенчатого штампа. Орнаментальную композицию завершают свисающие фестоны – два параллельных коротких оттиска гребенчатого штампа с подтреугольным окончанием в виде стрелки, образованным тремя оттисками полулунного штампа. В целом орнаментальная схема и присутствие прочерченных желобков придают сосуду № 3 сходство с посудой кучиминской археологической культуры [2, с. 132, 136].

Сосуд № 4 представлен фрагментами венчика и стенок, найденными внутри жилой постройки, в частности в очажном слое, а также в ямах № 3 и 4 за пределами жилища.

Часть фрагментов венчика и стенок этого же сосуда была найдена при обследовании памятника еще в 1992 г. При реконструкции сосуд представляет собой открытый горшок с диаметром горловины 13 см и толщиной стенок 0,3–0,6 см. Край венчика округлый, с внешней стороны оформлен косыми насечками-оттисками короткого гребенчатого штампа, придающими краю ребристость. Внешняя поверхность сосуда покрыта узором только в верхней трети, где орнамент расположен горизонтальными зонами: под венчиком – ряд вертикальных оттисков гребенчатого штампа; сразу под ним – поясок глубоких ямочных вдавлений; ниже расположен ряд коротких наклонных оттисков гребенчатого штампа, далее, через прочерченный желобок, – длинные наклонные линии из оттисков того же штампа, и завершает композицию горизонтальный ряд вертикально поставленных коротких оттисков штампа.

Фрагменты венчиков и стенок *сосуда № 5* найдены в скоплении керамики в яме № 3 на квадратах А–А'/12–13 (уровень 34.00–33.78). Судя по осколкам, это был сосуд с диаметром горловины не менее 28 см и толщиной стенок 0,4–0,6 см. Край венчика сосуда уплощен, по внешней стороне нанесены гребенчатым штампом образующие ребристость насечки. Орнамент покрывает верхнюю треть внешней поверхности сосуда. Венчик отделен прочерченным желобком, ниже следует орнаментальная зона, заполненная двумя горизонтальными рядами вертикальных оттисков гребенчатого штампа, между которыми нанесен поясок глубоких ямочных вдавлений. Через желобок следует ряд наклонных оттисков штампа, еще желобок – и ряд коротких вертикальных оттисков. Завершают орнаментальную схему длинные вертикальные столбики, образованные отступающим полукруглым штампом.

Большая часть фрагментов венчика и стенок *сосуда № 6* находилась в скоплении керамики ямы № 3, кв. А–А'/12–13 (уровень 34.12–33.69), а несколько – в очаге жилища на кв. Д–Е/7. По фрагментам реконструируется сосуд с открытой горловиной диаметром 15 см, толщиной стенок 0,5 см. Край венчика скошен внутрь, а снаружи образует небольшой карнизик. По внешней стороне края венчика нанесены наклонные короткие насечки. Узор расположен в верхней трети внешней поверхности сосуда горизонтальными орнаментальными зонами: верхняя, под горловиной, заполнена двумя горизонтальными рядами оттисков углового штампа, затем следует поясок глубоких ямочных вдавлений, ниже – наклонные линии гребенчатого штампа, следующая через желобок зона заполнена короткими, наклонными в другую сторону оттисками того же гребенчатого штампа, и завершает композицию горизонтальный поясок оттисков отступающего углового штампа.

Сосуд № 7 реконструирован по фрагментам венчика и стенок, найденных в очаге жилища на квадрате Д–Е/7 (уровень 33.69–33.78), вблизи очага на уровне 33.80–33.81 и в промежутке между С–В углом жилища и внешней ямой № 3, на уровне 33.88. Это был сосуд с диаметром горловины не менее 12 см, округлым туловом диаметром 13,5 см и толщиной стенок от 0,4 до 0,6 см. Край венчика закруглен, с внешней стороны с насечками, образованными оттисками гребенчатого штампа, верхняя треть сосуда орнаментирована тремя горизонтальными зонами, отделенными друг от друга прочерченными желобками. Верхняя треть заполнена узором из двух рядов наклонных оттисков гребенчатого штампа, между которыми нанесен поясок глубоких ямочных вдавлений, средняя представляет собой ряд коротких вертикальных оттисков того же штампа, а нижняя заполнена длинными, редко поставленными вертикальными оттисками штампа – столбиками.

Сосуд № 8 представлен крупным фрагментом венчика, который был найден внутри жилища, на квадрате Е/6 на уровне 33.77. Диаметр горловины составляет не менее 27 см и в профиле имеет неярко выраженный поясок глубоких ямочных вдавлений. Толщина

стенки – 0,6 см, край венчика закруглен. Орнамент на сосуде выполнен оттисками полулунного штампа и штампа в виде змейки.

Сосуд № 9 реконструирован по фрагментам венчика и стенок, найденным частью в скоплении керамики в яме № 3 на квадрате А/12, уровень 33.93, а также между этой ямой и С-В углом жилища на квадратах А/9 и Г/11 на уровне 33.93 и 33.91 соответственно. Это был сосуд открытой формы с диаметром горловины не менее 18 см, толщиной стенки 0,5–0,6 см, с закругленным краем венчика. С внешней стороны в верхней ее трети сосуд украшен узорами. Горизонтально расположенные орнаментальные зоны разделены прочерченными линиями – желобками. Под самым краем венчика нанесен ряд наклонных оттисков штампа в виде змейки, прямо под которым – горизонтальный поясок отступающего гребенчатого штампа. Слабо выраженная в профиле шейка украшена разнонаправленными наклонными оттисками штампа и пояском глубоких ямочных вдавлений. Ниже зона заполнена двумя рядами оттисков уголкового штампа, еще ниже – горизонтальным пояском коротких наклонных линий гребенчатого штампа.

Сосуд № 10 представлен двумя фрагментами венчика, найденными на полу жилища, у очага на квадрате Ж/6 (уровень 33.73). Судя по фрагментам, это был сосуд с открытой горловиной диаметром 32 см, толщиной стенок 0,4–0,5 см, с плоским краем венчика. Орнаментальные зоны в верхней трети расположены горизонтально, композиция довольно простая: чередование наклонных и горизонтальных оттисков штампа, нанесенных плотно и выполненных гребенчатым штампом, за исключением пояска глубоких ямочных вдавлений под горловиной.

Два фрагмента венчика и несколько фрагментов стенок *сосуда № 11* были найдены за пределами жилой постройки на квадрате В/12 на уровне 34.10. Скорее всего, это был сосуд с открытой горловиной диаметром не менее 14 см, округлым туловом и толщиной стенок до 0,5 см. Отчетливо виден орнамент, который покрывал только верхнюю треть внешней поверхности сосуда и был выполнен оттисками гребенчатого и полулунного штампов. Орнаментальные зоны располагались горизонтально, в одной из них нанесен поясок ямочных вдавлений.

Сосуд № 12. Фрагмент венчика этого сосуда, найденный в заполнении очага на квадрате Д–Е/7 на уровне 33.69–33.82, и еще несколько фрагментов венчика и стенок от этого же сосуда были найдены в 1992 г. при первом обследовании поселения. У сосуда с открытой горловиной диаметром 15 см нанесен поясок глубоких ямочных вдавлений. Толщина стенок достигает 0,7 см, а прямой венчик с насечками по внешнему краю образует характерную ребристость. Горизонтальные орнаментальные зоны, разделенные прочерченными желобками, заполнены вертикальными или наклонными оттисками гребенчатого штампа.

Сосуд № 13 представлен единственным фрагментом венчика. Реконструировать полностью его форму сложно, восстанавливается только то, что это был сосуд с открытой горловиной диаметром не менее 19 см, толщиной стенок от 0,4 до 0,6 см, с прямым краем венчика. Орнамент на внешней поверхности расположен горизонтальными зонами и нанесен гребенчатым штампом, а под горловиной – поясок ямочных вдавлений.

В процессе раскопок внутри постройки и за ее пределами найдены единичные фрагменты еще нескольких сосудов. Форму сосудов по фрагментам реконструировать невозможно, но орнаменты и способ их нанесения типичны для всей рассмотренной выше посуды.

В целом посуда поселения Тывь-ега-1 представляет собой однородный комплекс. Это круглодонные керамические сосуды небольших размеров, с открытой горловиной диаметром от 12 до 32 см, тулово большинства из них округлое, иногда слегка раздутое, что при незначительной высоте делает их немного приплюснутыми. Сосуды либо вообще не

профилированные (как № 1 и 2, 3–5), либо слабо профилированные (№ 6, 8). Толщина стенок не превышает 0,7 см. Внешняя поверхность всех сосудов орнаментирована в верхней трети зонами, расположенными горизонтально. Узоры состоят из рядов наклонных и прямых вертикальных или горизонтальных линий, образованных различными штампами – гребенчатым, уголковым и полулунным, в редких случаях использован штамп в виде змейки (на сосудах № 8, 9). Везде в орнаментальную схему включен поясok глубоких ямочных вдавлений. Иногда он наносился уже поверх орнамента (например, на сосудах № 1 и 9). Нередки в узорах прочерченные желобки. Характерно также специфическое оформление края венчиков некоторых сосудов: венчик скошен внутрь, образуя карнизик; по краю венчика с внешней стороны сосуда нанесены насечки, придающие краю венчика своеобразную ребристость.

Культурно-хронологическая атрибуция. Вышеописанные керамические сосуды поселения Тывъ-ега-1 однозначно нельзя отнести к какому-либо одному типу раннесредневековой керамики, этапу или археологической культуре. Форма и орнаментация одновременно близки сразу нескольким типам раннесредневековой посуды, характерной, по периодизации А. П. Зыкова, для зеленогорского (VI – начало VII в.), релкинского (конец VI – VII в.) и кучиминского (VIII–IX вв. н. э.) этапов развития нижеобской культуры (Сургутского Приобья). Сочетание композиций и формы, например оформление края сосуда (карнизик с внутренней стороны, насечки с внешней), характерно для посуды зеленогорской археологической культуры [2, с. 131–134; 3, с. 46; 6, с. 61–68], а прочерченные желобки сближают сосуды с комплексами кучиминской культуры [2, с. 132, 136; 3, с. 52; 6, с. 77–87]. Более всего орнаментация и форма горшков поселения Тывъ-ега-1 соответствуют релкинскому типу сосудов, выделенному А. П. Зыковым [6, с. 68–77].

В целях уточнения хронологической принадлежности памятника в ходе полевых работ на поселении Тывъ-ега-1 было отобрано два образца из конструкций жилища. Образец 1 – квадрат Г/4, конструкция юго-западной стены; образец 2 – квадрат Б–В/6–7, конструкция северо-западной стены. Образцы прошли процедуру изотопного радиоуглеродного анализа в лаборатории СОАН. В результате этого исследования определен радиоуглеродный возраст образцов:

- СОАН-5128 Образец № 1: 2225 ± 25 лет (кон. III в. до н. э.);
- СОАН-5129 Образец № 2: 1545 ± 40 лет (сер. V в. н. э.).

Первая дата (образец № 1) явно отношения к памятнику не имеет, по-видимому, это были более древние сгоревшие деревья. Заслуживает внимания дата образца № 2: несмотря на то что дата не откалибрована, это 405 год ± 40 лет, то есть середина V в. н. э. В целом даже в широком диапазоне она позволяет датировать памятник в пределах конца IV – начала VI в. н. э. Однако по всем ныне существующим периодизациям это время карымского этапа (III–IV – начало VI в. н. э.) развития нижеобской культуры (Сургутского Приобья). Особо отметим, что сосуды поселения Тывъ-ега-1 значительно отличаются по орнаментации от карымских. Логично возникают вопросы: кто же ошибся и к какому этапу или археологической культуре отнести поселение Тывъ-ега-1?

А. П. Зыков выделил релкинский этап (конец VI–VII вв.) как группу памятников с керамической посудой, совмещающей черты орнаментации зеленогорских (VI – начало VII в.) и кучиминских (VIII–V вв.) сосудов двух указанных этапов. Возможно, он ошибся с хронологическими рамками релкинського этапа, и этот период несколько древнее, например начинается с V в.

Результаты изотопного анализа образцов поселения Тывъ-ега-1 нельзя считать в полной мере репрезентативными. Вместе с тем тот факт, что ни одна из ныне применяемых

на территории севера Западной Сибири периодизаций не имеет в своей основе репрезентативных серий радиоуглеродного датирования возраста памятников, все же позволяет говорить о необходимости пересмотра ныне существующих археологических периодизаций на основе новых данных.

Таким образом, можно оперировать хронологией V в. н. э, но уверенно отнести поселение Тывь-ега-1 к определенной археологической культуре или этапу пока нельзя.

Археозоологические материалы. Всего из очага постройки было отобрано 16 фрагментов кальцинированных костей [8]. Видовой состав по результатам анализа приведен в таблице.

Таблица

Видовой состав фаунистических остатков поселения Тывь-ега-1

№	Вид	Кол-во костей	Кол-во особей
1	Лисица	2	1
2	Соболь	4	1
3	Млекопитающие indet (размера северного оленя, лося)	10	?
	Итого	16	–

Анализ видовой состава позволяет предположить, что данное поселение было сезонным охотничьим населенным пунктом, функционировавшим в зимнее время.

Заключение. В настоящее время на территории севера Западной Сибири исследовано намного больше долговременных укрепленных поселений-городищ и неукрепленных поселений вблизи городищ. Крайне редко кратковременные сезонные памятники периода раннего средневековья специально изучаются стационарными раскопками и тем более вводятся в научный оборот.

Тывь-ега-1 – это поселение, состоявшее из одного жилого строения, функционировавшего в период с конца IV по середину V в. (возможно до нач. VI в.). Судя по незначительному количеству артефактов и мощности культурного слоя, поселение существовало на протяжении небольшого промежутка времени, не более 30–40 лет. Вероятнее всего, это было сезонное – зимнее охотничье-промысловое поселение, связанное с добычей крупных копытных животных (лось, олень) и пушных видов.

Вызывает затруднение определение его культурной принадлежности в рамках общепринятой археологической периодизации. Проведенный сравнительный анализ материалов раскопок других комплексов позволяет отнести Тывь-ега-1 к зеленогорскому этапу (VI – начало VII в.) и релкинскому этапу (конец VI – VII в.) развития нижнеобской культуры населения Сургутского Приобья. Хронологическое несоответствие позволяет поставить вопрос о необходимости пересмотра археологической периодизации в дальнейшем как минимум для периода раннего средневековья на территории севера Западной Сибири.

Таким образом, раскопки поселения Тывь-ега-1 помогают расширить представления о хозяйстве и жизнедеятельности населения Западной Сибири в раннесредневековое время. Почти с уверенностью можно утверждать, что жители более крупных населенных пунктов, например, городищ, где проживали до 10–12 семей, могли вести индивидуальную (семейно-родовую) промысловую деятельность на сопредельных территориях. Сезонная охота была призвана обеспечить население пищевыми ресурсами и пушниной. Последняя могла иметь также ценность для меновой торговли.

Тывь-ега-1 – один из статистически значимых памятников, который поможет в будущем решить вопрос пересмотра и уточнения существующей периодизации этапов развития археологических культур на севере Западной Сибири.

Литература

1. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 58. М. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.
2. Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
3. Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу) 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Тезис, 2002. С. 5–65.
4. Зыков А. П. Средневековье таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры : пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24-30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Чароид, 2006. С. 109–124.
5. Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.
6. Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. С. 232.
7. Ивасько Л. В. Отчет об археологической разведке в зоне нефтеразработок НГДУ «Правдинскнефть» в Нефтеюганском районе Тюменской области в бассейне р. Тывъ-ега летом 1992 года. Екатеринбург, 1993. Архив МУ ЦИКН.
8. Кардаш О. В. Аварийные археологические раскопки поселения Тыв-Ега-1 в Нефтеюганском районе ХМАО летом 2002 года : отчет о НИР // Архив НПО СА. Ф. 1. Д. 77.

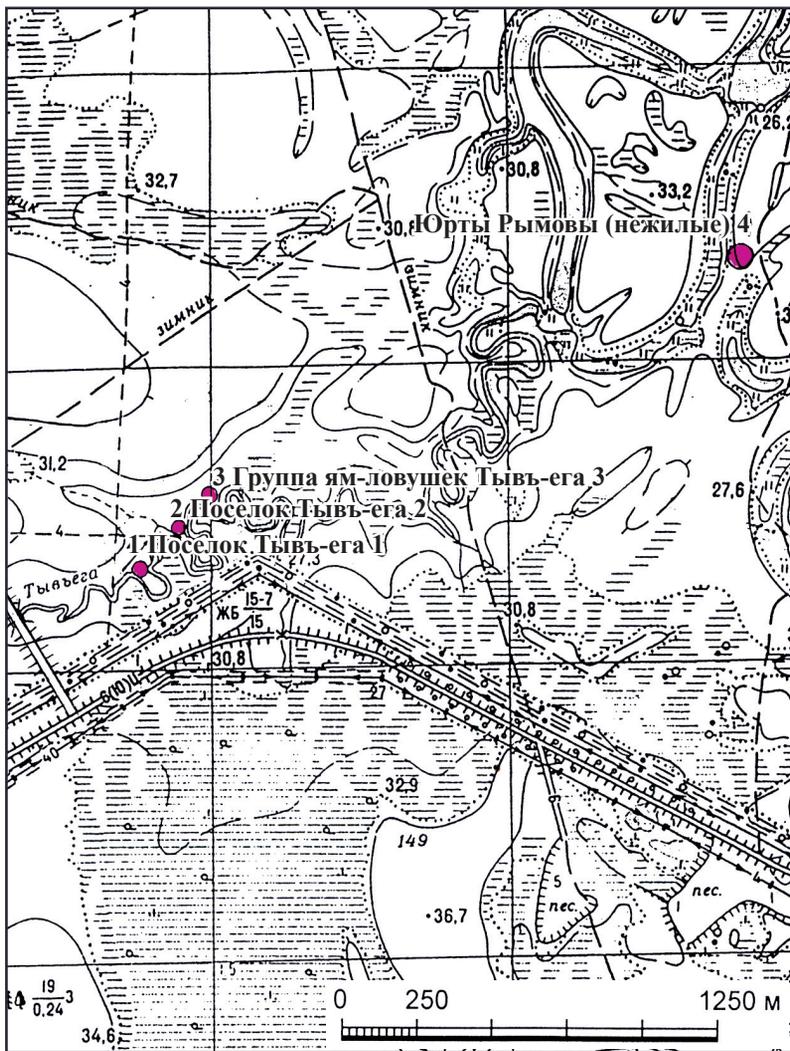

Рис. 1. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в. Топографический план памятника

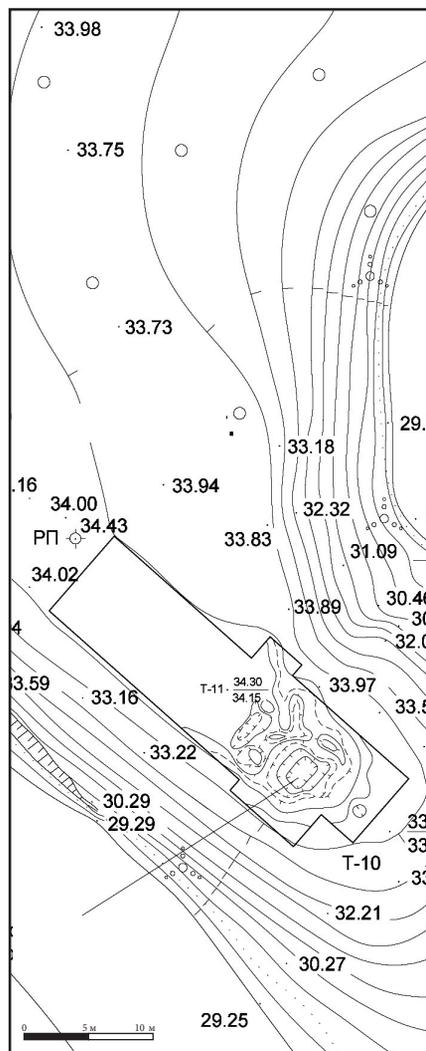

Рис. 2. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в. Топографический план памятника. М 1:500

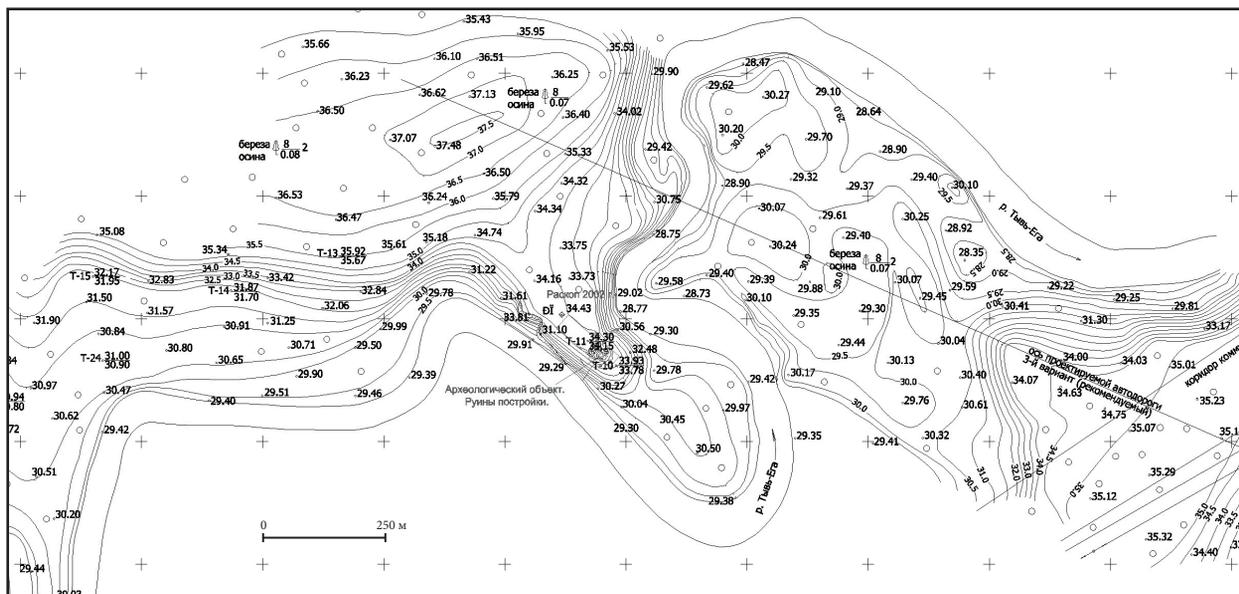
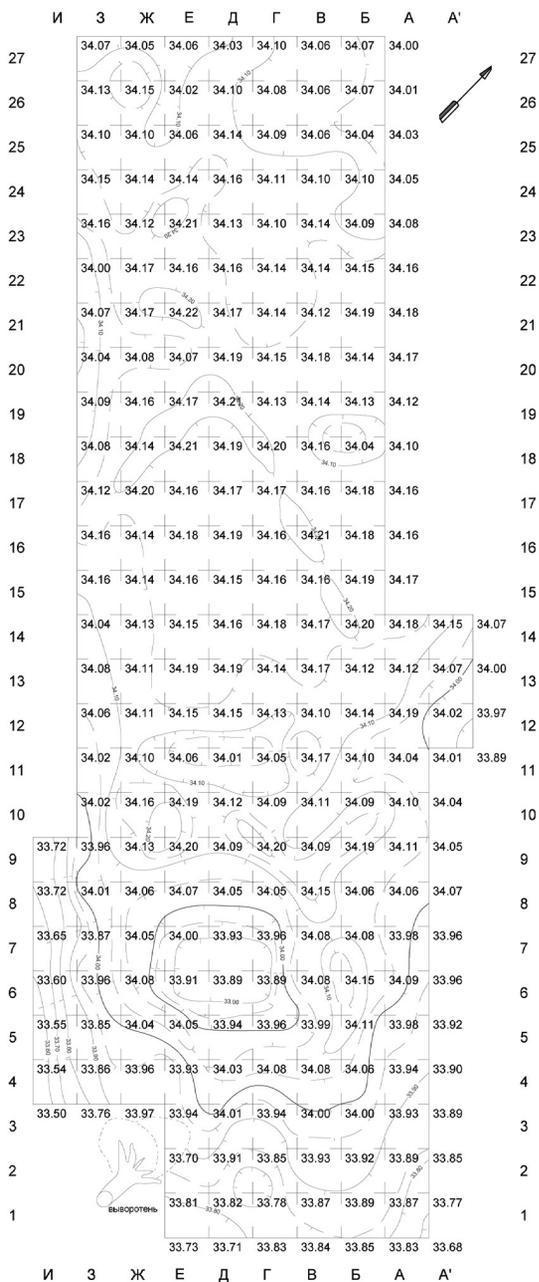

Рис. 3. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в. Ситуационный план памятника. М 1:2500

Рис. 4. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Место проведения работ – участок реконструкции автодороги 785–794 км в месте пересечения с р. Тывъ-ега: *а* – вид с юга; *б* – участок реки от моста до поселения Тывъ-ега-1, вид с юго-востока; *в* – поселение Тывъ-ега-1, вид с юго-востока

Сплошные горизонтали
проведены через 0,1 м,
полугоризонтالي - через 0,5 м.

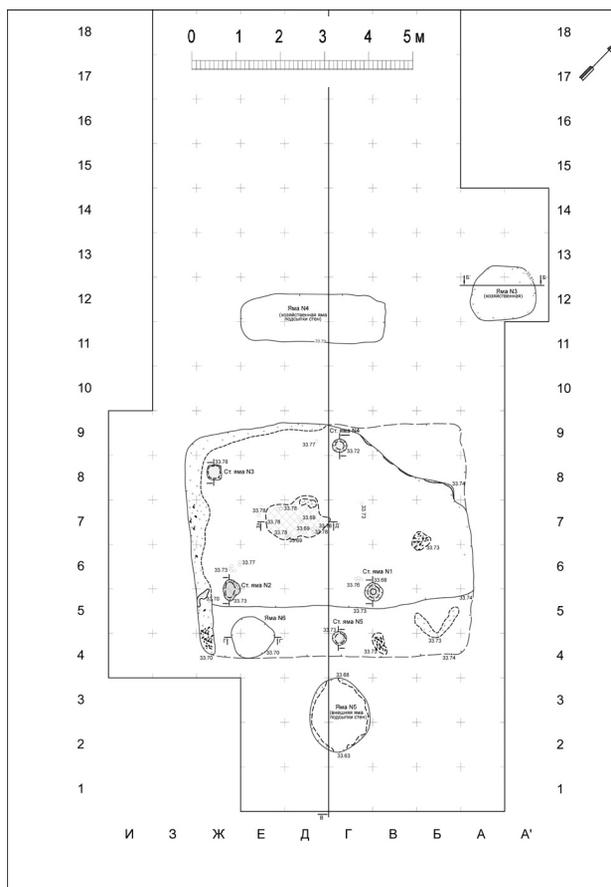
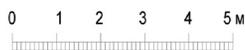

Рис. 5. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в.
План нивелировочных отметок

Рис. 6. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в.
План раскопа

Стратиграфический разрез стенки центральной бровки (линия Д).

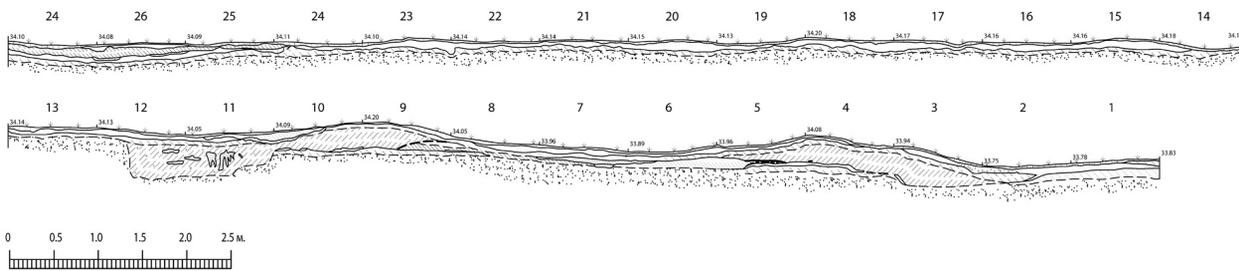

Рис. 7. Поселение Тывь-ега-1, кон. IV – V в. Стратиграфический разрез

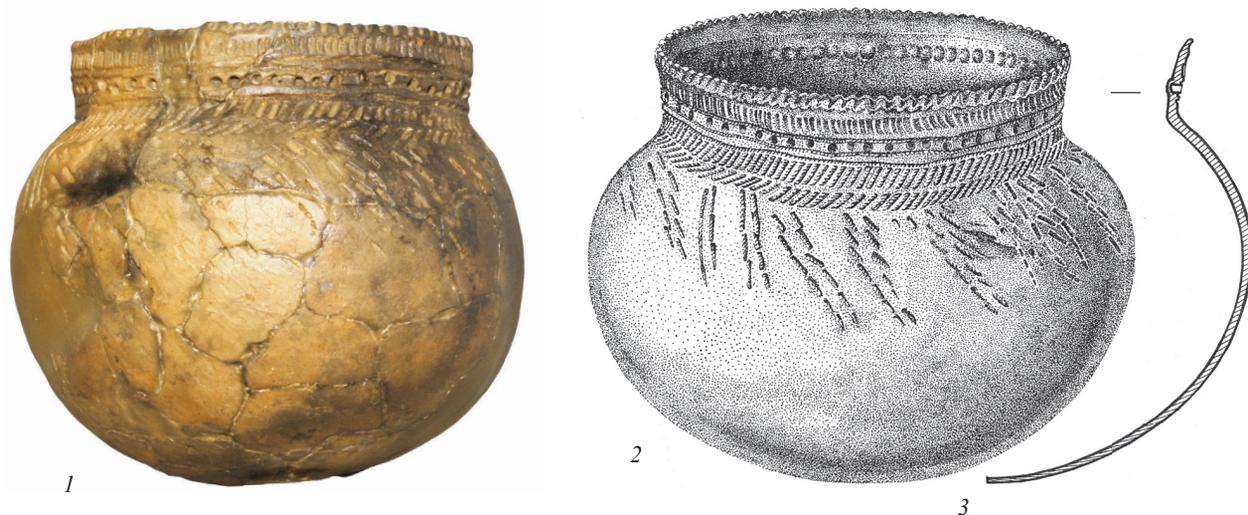

Рис. 8. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: 1 – сосуд, фото; 2 – реконструкция сосуда; 3 – сечение профиля керамического сосуда

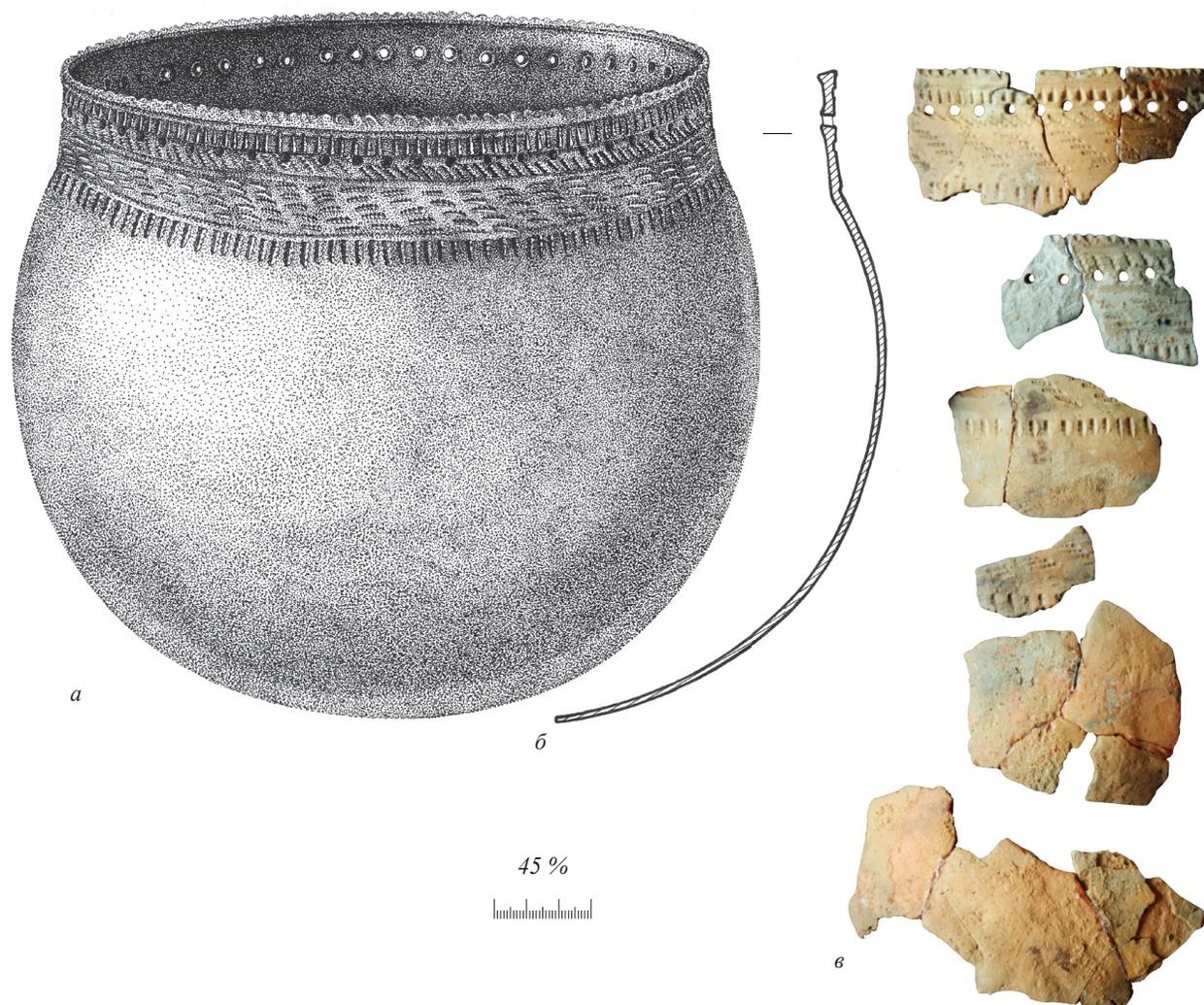

Рис. 9. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: а – сосуд 4, реконструкция; б – сечение профиля керамического сосуда; в – сосуд 4, фрагменты

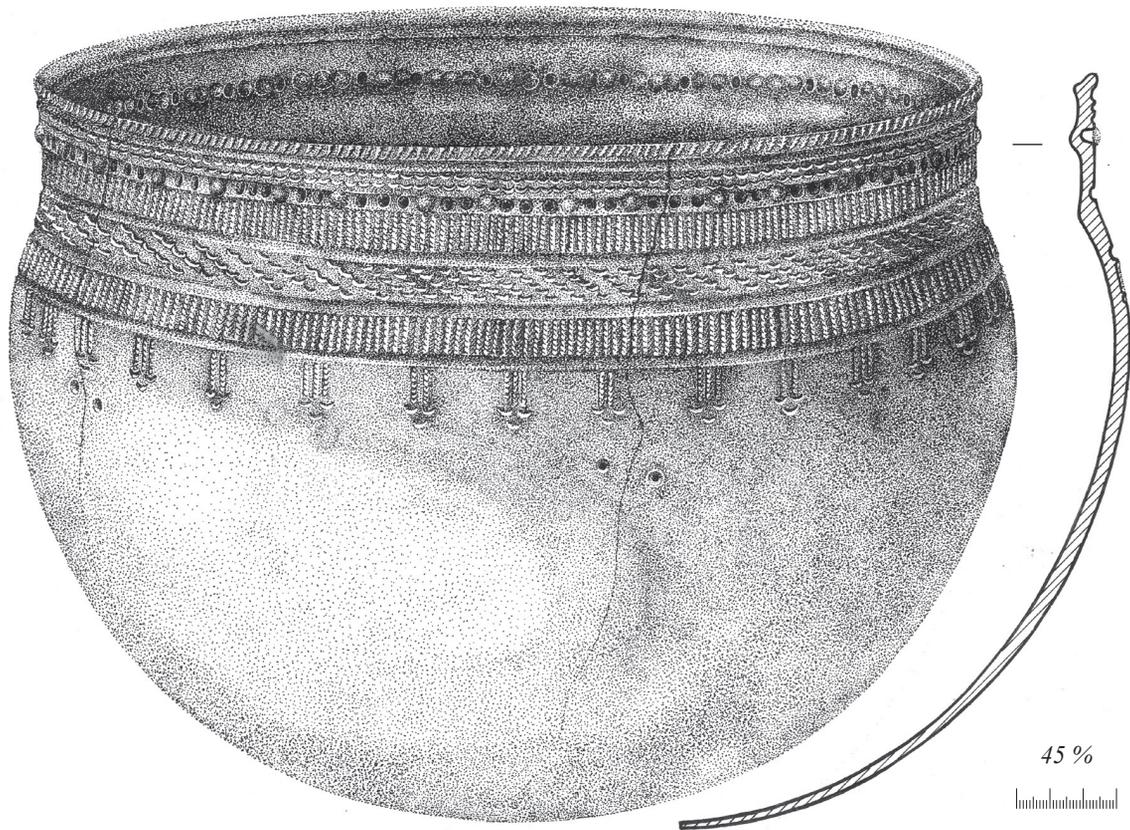

Рис. 10. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V вв. Материалы раскопа. Реконструкция сосуда

Рис. 11. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: *а* – сосуд 6, реконструкция; *б* – сосуд 6, фрагменты

Рис. 12. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: а – сосуд 2, реконструкция; б, в – развал керамического сосуда 2

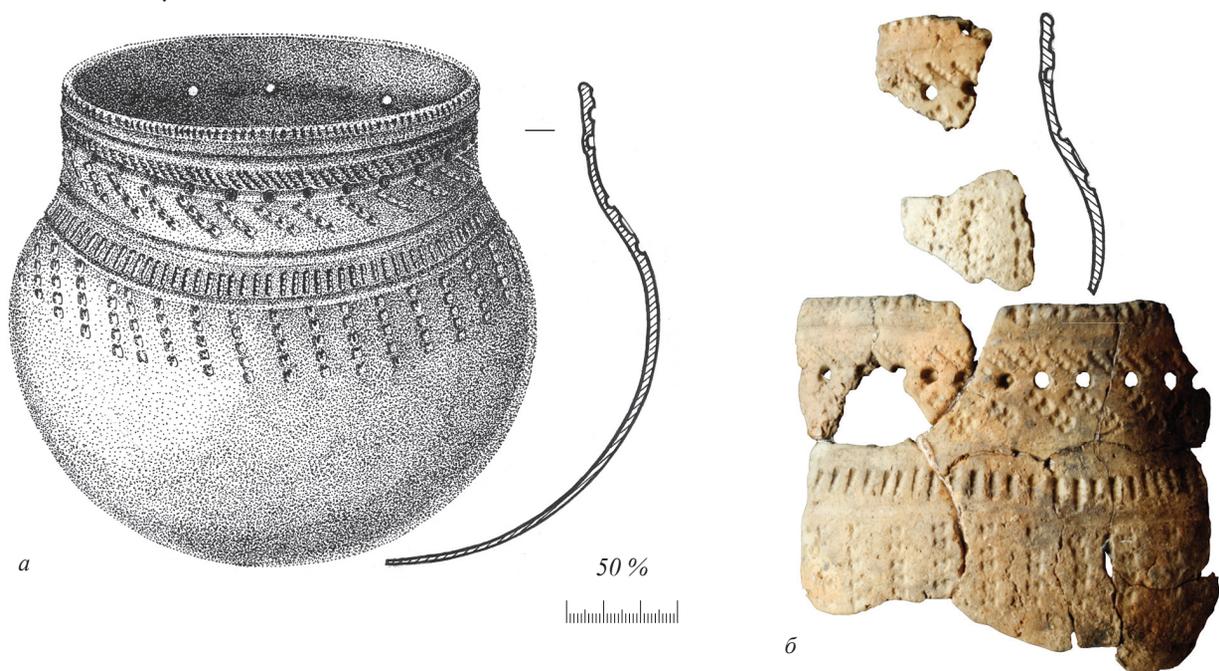

Рис. 13. Поселение Тывъ-ега-1, кон. IV – V в. Материалы раскопа: а – сосуд 7, реконструкция; б – сосуд 7, фрагменты